

СОВЕРШЕННО НЕ СЕКРЕТНО

Дела давно минувших дней...

Легендарный разведчик рассказывает об успешных операциях наших спецслужб

Ветеран разведки и контрразведки СССР и Азербайджана, председатель Общественного объединения ветеранов органов спецслужб Азербайджана «Альянс», легендарный разведчик Шамиль Сулейманов в интервью корреспонденту газеты «Каспий» рассказал о некоторых операциях наших спецслужб, осуществленных еще в советские времена.

- Шамиль муаллим, вы работали в сфере обеспечения безопасности объектов нефтяной и газовой промышленности республики. Позвольте, расскажите наиболее интересные эпизоды...

- Первый случай - это попытка диверсии на Нефтеперерабатывающем заводе (НПЗ) имени Гараева. Ныне это предприятие демонтировано, в настоящее время здесь находится здание исполнительной власти Хатаинского района Баку.

В будничный день утром телефонный звонок от агента с НПЗ. Голос взволнованный, напряженный, а новость чрезвычайная: агент зашел в заводской туалет, а там в крайней от входа кабинке лежит... снаряд! Размеры его, на взгляд агента, впечатляют - сантиметров 35-40 в длину. Я сказал, чтобы он срочно пошел к начальнику 1-го отдела завода и рассказал об этом. Получив сигнал, начальник 1-го отдела по инструкции должен был позвонить куратору из КГБ, то есть мне, и сообщить об инциденте. Такая схема, несмотря на лишнее, казалась бы, звено - звонок куратора КГБ от начальника 1-го отдела после моего телефонного общения с агентом, - была рациональна с точки зрения конспирации, так как не раскрывала нашего помощника на заводе.

Через несколько минут в моем кабинете раздался телефонный звонок от начальника 1-го отдела НПЗ, который сообщил мне то, о чем я уже знал от агента - о снаряде и угрозе взрыва на заводе. Формальность была выполнена, после чего я позвонил начальнику 2-го отдела Гейдару Алиеву и доложил о ситуации на НПЗ. Гейдар Алиевич приказал мне срочно отправиться на завод Гараева и на месте убедиться, действительно ли на территории НПЗ находится снаряд. Шаг был вполне логичный, ведь наш агент - человек гражданский, вполне мог принять за снаряд нечто иное, не столь опасное...

На заводе я убедился, что в туалете действительно лежит снаряд, о чем и доложил по телефону начальнику контрразведки. Гейдар Алиевич быстро и четко приказал: опасную зону оцепить и ждать саперов. Я порекомендовал начальнику заводского спецотдела (приказывать ему я не мог, куратор от КГБ мог только советовать) оградить опасную зону веревкой и поставить рядом нескольких рабочих, которые останавливали бы каждого, кто шел «на обложение со снарядом».

Вскоре на НПЗ прибыли саперы. Старший группы оценил обстановку и говорит мне: «Обезвредить на месте не сможем, надо вывезти и взрывать на полигоне». Подогнали к туалету грузовик. Два сапера на руках вынесли снаряд, как ребенка, и положили его в кузов, на мелкий песок. Машина медленно тронулась к воротам завода. На улице впереди грузовика со снарядом двинулся милиционерский автомобиль с мигалкой.

- Представляю, как вели снаряд - с перекрытием дорог, включенной сиреной...

- В те годы транспорта в Баку было не много, поэтому дороги специально не перекрывали. К счастью, саперы сработали профессионально, вывезли снаряд на полигон и там подорвали. Военные свою миссию выполнили, пришла наша очередь - контрразведка теперь должна была выяснить, кто и как пронес на НПЗ снаряд, по сути - взрывное устройство. Если бы оно сработало, вполне могло поразить осколками нефтеперерабатывающее оборудование, резервуары с нефтью и нефтепродуктами. В этом случае от НПЗ мало что осталось бы. Наверняка пострадали бы и расположенные рядом с заводом жилые дома...

В 1962 году никаких камер видеонаблюдения на территории НПЗ, естественно, не было, поэтому о том, кто и когда пронес снаряд, могли сообщить только свидетели. Однако таковых при первом опросе сотрудников вневедомственной охраны, рабочих и инженеров не нашлось. Пришлось сотрудникам следственного отдела КГБ поднимать личные дела рабочих и инженеров НПЗ. В первую очередь следователей интересовали лица, в годы войны попавшие в плен, а затем служившие у немцев. «Работа с документами», как бы над ней ни подтрунивали дилетанты, в ряде случаев дает неплохие результаты, позволяя спецслужбам выявлять круг лиц, способных совершить то или иное деяние. После этого начинается целенаправленная работа по установлению алиби лиц из выявленного круга, продолжением поиска свидетелей. Был ли в результате выявлен преступник, узнать я не успел, так как с января 1963-го был переведен на работу в 1-й отдел.

На первый взгляд, особой заслугой КГБ и нашего агента, предотвращении взрыва на НПЗ нет. В конце концов, поднять тревогу мог любой сознательный рабочий или инженер, первым обнаруживший снаряд. Однако сделал это именно агент КГБ, причем точно и оперативно. Были, разумеется, по нашей рекомендации приняты меры и по усилению охраны завода, за которую КГБ, кстати, не отвечал. Отвечала администрация и охрана НПЗ, которые, увы, оказались не на высоте.

- Жаль, что читатели не узнают о том преступнике... Шамиль муаллим, а еще были интересные случаи?

- Еще один случай произошел на всемирно известных Нефтяных Камнях - первом в мире морском нефтяном месторождении. Добычу нефти здесь начали в 1949 году, однако для транспортировки сырья на берег почти 30 лет использовались танкеры, в которые загружалась нефть, сепарированная от пластовых вод. Технология была простой, но эффективной: поднимавшая по скважинам на

поверхность смесь нефти и воды собиралась в резервуарах. Через несколько часов нефть, плотность которой меньше плотности воды, собиралась в верхней части резервуара, а пластовая вода - в нижней. После завершения процесса вода из резервуара-отстойника сливалась в море. Для этого оператор, обслуживающий резервуар-отстойник, поворачивал вентиль, и вода по трубе, находящейся в нижней части емкости, уходила в море. Когда в море из резервуара начинала уходить нефть, оператор закрывал вентиль. После этого сепарированная таким образом от пластовой воды нефть шла в резервуары-накопители, из которых затем загружалась в танкеры.

С позиций современной экологии такая технология сепарации нефти, во-первых, далеко не безопасна для окружающей среды. Во-вторых, ее эффективность во многом зависит от профессионализма оператора - упустив момент, когда в сливной трубе появилась первая нефть, можно потерять и немалые объемы добытых на месторождении жидких углеводородов.

Именно по такому сценарию в 1962 году на Нефтяных Камнях были сброшены в море сотни

принял единственно верное решение: обратился к профессионалам. Спеццы НГДУ, начав поиски, сами того не желая, своими действиями неизбежно предупредили бы злоумышленника: мы тебя ищем! И тот на время запылился бы, а потом вновь запустил бы процесс.

Я же прилетел на Нефтяные Камни, можно сказать, нивкишто: что я куратор КГБ, знали лишь начальник НГДУ и агенты 5-го отделения. На месторождении я провел неделю: жил в гостевой комнате управления (аналог скромного гостиничного номера), питался в столовой вместе с руководителем НГДУ (отдельный зал площадью метров 20), так что на Нефтяных Камнях меня мало кто заметил.

- И как осуществлялся поиск злоумышленника?

- Происходило это так. Начальник 1-го отдела НГДУ приглашал к себе в кабинет моих агентов, а сам «отлучался по делам». С каждым я беседовал, задавал вопросы. Этого оказалось недостаточно, поэтому пришлось пообщаться не только с агентами. Но с этими сотрудниками НГДУ беседовал я, скажем так, аккуратно - все было предупреждено, что разговор надо держать в тайне.

Опросил за неделю человек 15 и выяснил, что, во-первых, нефть исчезает из накопителей в штормовые вихри. Во-вторых, во время этих вихрей доступ к вентилям имеют только три оператора. Перед отлетом на берег встретился с Бахманом Гаджиевым, «тушманно проинформировал», что «работа илет, но пока не завершена». В Баку доложил Гейдару Алиевичу о результатах расследования, получил от него указания о дальнейших действиях и вернулся на Нефтяные Камни - ждать очередного шторма.

Через пару дней подул хазри, и мы вместе с парой агентов заняли место в засаде у резервуаров. Надели резиновые плащи, сапоги, спрятались, сидим, ждем. Часа через два у резервуаров появляются фигуры, начинают крутить вентили, а затем исчезают. Еще через час они вновь появляются, чтобы закрыть вентили. К этому времени из отстойников в Каспий уже вытекла пластовая вода и вся собранная нефть. Факт нефтяного сброса, как говорится, налицо, однако сцены «задержания с личным», как в классическом детективе, не последовало. Не был оформлен и протокол.

- Как так?!

- Во-первых, спроси мы злоумышленников, с какой целью они сбрасывали в море нефть, в ответ наверняка услышали бы: «Начальник, какая нефть, какой сброс, какая диверсия?! По технологии мы должны сбрасывать в море из отстойника-сепаратора пластовую воду, накопившуюся в резервуаре. Мы так и делаем! А что нефть при этом вытекла, так ошиблись немного, не рассчитали на шторм!». В объяснении таким была бы определенная логика - на отстойниках не было счетчиков, по которым можно определить объем жидкости в резервуарах, поэтому слив воды проводился на глазок. А в шторм,

тонн добытой на месторождении нефти. Цепь этих чрезвычайных происшествий побудила начальника Нефтегазодобывающего управления (НГДУ) «Нефтяные Камни» Бахмана Гаджиева - впоследствии министра нефтяной промышленности Азербайджана, обратиться за помощью в КГБ, к начальнику 2-го отдела Гейдару Алиеву.

- А почему не к вам - как куратору этой сферы?

- По причине, технически очевидной: в те далекие годы начальник НГДУ «Нефтяные Камни» по специализации мог переговорить только с председателем республиканского КГБ и его заместителями - куратором «вертушки» не было. Я получил приказ от Гейдара Алиева и на вертолете вылетел на Нефтяные Камни. Здесь Бахман Гаджиев ввел меня в курс дела, суть которого была очевидна: «технически естественным путем» нефть из отстойников исчезать не могла, значит, необходимо было искать лицо или группу лиц, имевших доступ к резервуарным вентилям. Попробовать найти их могла, конечно, и администрация НГДУ, но Бахман Гаджиев с оперативной точки зрения

СОВЕРШЕННО НЕ СЕКРЕТНО

Дела давно минувших дней...

в ночную вахту мазута и нефти производится.

Во-вторых, сбрасыватели были этническими армянами, поэтому зашли на них дело о злом умысле, и потеснил бы от них жалоба во все инстанции: вот, дескать, приседают по этническому признаку. Поэтому решили проблему просто, но эффективно: профсоюз в спонсорную вахту направил с проверкой и обнаружил, что сбрасыватели в рабочех время спят. Наказано грубое нарушение трудовой дисциплины! А это серьезное основание для увольнения, после которого, кстати, слив нефти из отстойников на Нефтяных Камнях прекратился.

«А у наших какие интересы случаи были?»

— В 1975 году сотрудник Управления КГБ Ленинграда (ныне Санкт-Петербурга) вывезил контакт резидента ЦРУ, работающего под «арашей» консулства США, с начальником отдела Министерства торговли Азербайджанской ССР. Чиников этот находился в Ленинграде в командировке, после чего вернулся в Баку.

«Чем может быть интересен иностранной разведке третьестепенный чиновник, причем даже не консул, а республиканский Минторг?»

— С точки зрения дилетанта чиновник Минторга не мог представлять сколь-нибудь серьезный профессиональный интерес для ЦРУ. Действительно, могла ли спецслужба «скупного провинциала» выловить в гробу суда Минторга Азербайджана нечто интересное для разведки?! Да, кое-что могла.

Например, информация о структуре товаров, их количестве, некоторые сведения о советских предпринимателях-поставщиках - сумма этих сведений характеризовала производительный и аграрный потенциал Азербайджана, его торговые связи с другими республиками СССР. Если речь шла о товарах импортруемых, ЦРУ могла интересоваться информацией о контрактах Азербайджана с зарубежными производителями и трейдерами. Анализ этой информации в свою очередь позволял ЦРУ оценивать и прогнозировать динамику сотрудничества Азербайджана с зарубежными странами, место республики в структуре внешнеэкономических связей СССР.

Кроме того, не надо забывать, что в те годы в Советском Союзе товарный дефицит был явлением обычным, и с лицами, имеющими доступ к «интересному ассортименту», многие хотели быть в контакте. Поэтому чиновник Минторга с определенными кругами связей в различных государственных структурах Азербайджанской ССР мог быть интересен зарубежным спецслужбам: по-первых - как ин-

формации о знакомых, друзьях и приятелях в тех или иных учреждениях, а во-вторых, как вербовщик потенциальных агентов, имеющих доступ к научно-технической, военной, политической информации.

«Понятно...»

— Дальнейшая разработка этого вероятного агента ЦРУ была поручена КГБ Азербайджана, который в данной ситуации действовал по апробированной всеми спецслужбами мира схеме. В актиру Минторгова сотрудник комитета поставили «окучок», позволяющие прослушивать как разговоры вероятного агента ЦРУ с членами семьи, так и все телефонные диалоги. Они были поставлены в рабочие кабинеты Минторгова и его супруги, а также в персональный автомобиль чиновника. Постоянного наружного наблюдения мы не устанавливали, чтобы снизить риск выявления слежки. Однако ведем мы его потаивно, передавая от одной группы сотрудников «наружке» другой, контролируя таким образом все его контакты за стенами Минторга. Если чиновник шел, например, с друзьями-приятелями в ресторан, на его столе помещался тарелка с «окучком». Это были специальные тарелки для закусок с встроенными в их дно микрофонами. Внешне они ничем не отличались от сервировки, официанты ставили их по нашим рекомендациям на конкретный стол, а после завершения трапезы сдавали их нашим сотрудникам.

Принимавшая и записывавшая аппаратура находилась в спецмагнине, припаркованной неподалеку от ресторана. Если Минторгов или члены его семьи опусkali в потайной ящик конверт или открытку, эти корреспонденция изымалась и проанализировалась. Наблюдение за чиновником велось три года... Наконец в одном из его শেষем со-

трудниками КГБ Азербайджана была обнаружена тайниканка, свидетельствующая о его сотрудничестве с ЦРУ. После этого руководящий комитет принял решение о задержании агента ЦРУ с последующим «обстоятельным разговором». Задержать агента поручили 2-му отделению «наружке».

Провели оперативно мы на улице Чапаева (нынешней проспекте Тебриза), где располагался в те годы Минторг Азербайджана. Опер, находившийся в здании министерства, сообщил мне по мобильной связи (аналог современной сотовой телефонной связи, разработавшему на определенной частоте), что объект покинул свой

кабинет. После этого была дана команда к началу операции. Устроили скандал с водителем чиновника, подошедшим на улице своего босса, задержали его «за драку» и вынудили в оперативную машину. В черной же «Волге» Минторгова место водителя занял наш опер, костюм которого не отличался от одежды персонального водителя. Минторгов сел в персональный автомобиль, но даже увидевшись новым водителем не ушел - в салоне в считанные секунды оказались два опера, заблокировавшие агента ЦРУ. На этом авто мы и доставили чиновника в здание КГБ. После им занялись сотрудники сначала 2-го отдела, а затем и следственного. После завершения следствия состоялся суд, который по статье за измену родины приговорил агента ЦРУ к 13 годам лишения свободы.

«Да, скажешь веревочке ни вийсы...»

— Рассказываю и такой случай. В начале 1960-х годов от 2-го отдела КГБ Азербайджана 7-й отдел получил задание - проследить связи 77-летнего бакинца, сотрудничавшего в годы войны с наци-

стами. Жил этот человек в Баку по улице Советской, а работал передельщиком в Хырдалане. Наружное наблюдение за этим лицом было поручено 2-му отделению. В первые дни работы стало ясно, что объект наблюдения серьезно и профессионально и весьма осторожен. Кроме того, вести наружное наблюдение на Советской оказалось непросто - длинные жители, обитание в одноэтажных, друг друга хорошо знают, и любой новый человек, появившийся в этом районе Баку, сразу привлекает к себе внимание.

Проблему с «окучкой» на Советской решили с помощью родственника нашего сотрудника, которая жила на этой улице - ее дом, из окон которого было хорошо видно жилище «перелетчика», стала захватить «родственница из района» - наша сотрудница. Ей, бакинке из интеллигентной семьи, отравляясь на работу, приходилось одеваться попросте, да и о косметике на время операции забыть, и все для того, чтобы не контрастировать с соседними жителями района. С наступлением сумерек наблюдение приходилось прекращать. Потому что наружное наблюдение мог обнаружить и сам «перелетчик», и члены его семьи, и соседи, которые по-своему вполне могли рассказать объекту о чрезмерно длительной

мы передаче его коллегам из местного Управления КГБ «Перелетчик» вскоре умер, но красноречивый контакт, обнаруженный нами в Баку, оказался агентом ЦРУ, хотя и рядовым...

САВАК - спецслужба Ирана также старалась вербовать агентов среди граждан Азербайджана. Так, в Национальной АССР в конце 1960-х годов на реке Араз началось строительство водохранилища. Река погранична разделив Азербайджан и Иран, поэтому строили водохранилище специалисты двух стран. Ситуация, с точки зрения САВАК (а и любой другой спецслужбы мира), была благоприятная для вербовки агентами. КГБ республику - 2-й и 7-й отделы - в этих условиях были обязаны проводить необходимые контрразведывательные мероприятия.

В 1968 году один наш сотрудник был направлен в Нахичеванскую Автономную Республику. Цель командировки - наружное наблюдение за инженером, гражданином Азербайджана, работавшим на строительстве водохранилища, к которому агенты САВАК из числа иранских специалистов стали проявлять вербовочный интерес. Это была оперативная информация, поступающая от агентов и доверенных лиц КГБ из числа азербайджанских специалистов, занятых на строительстве водохранилища.

Чтобы оказаться поближе к инженеру - объекту наблюдения КГБ, наш сотрудник устроился на работу водителем грузовой машины, доставлявшей на стройку свай. В подкаже у него был миниатюрный фотоаппарат, его объектив выведен наружу, а в поясе брзок - кнопка пуска и автоматической подачи следующего кадра. Все контакты инженера (мы его помнили псевдонимом Чужой) с иранцами фотографировались, новые кассеты наш сотрудник ставил в фотоаппарат в кабине грузовой, отсылая пленки персоналу отдела 2-го отдела. Информация на Чужого и встретивших с ним в контакт иранцев накапливалась, и вдруг приходит сообщение, что у инженера заболел отец. Этой информации в Баку проверили - действительно, отец Чужого лег в офтальмологическую больницу. Испеньюла больнее отца как мотин, он получил отпуск для поездки в Баку. Пришлось и нашему сотруднику оставить кабину грузовика и отправиться следом. Но здесь вести наружное наблюдение за инженером стало сложнее - каждый день он наведывал отца в больницу, оставаясь с ним в палате, выходя на прогулку во двор. В таких условиях отслеживать контакты Чужого во дворе и особенно в боличинных коридорах и палате нам стало крайне сложно. Пришлось пойти на нестандартные меры: отцу Чужого в главную палату и в санузел, в которой он выходил вместе с сыном во двор на прогулку, мы подпустили «окучок», которые позволили записывать разговоры инженера с другими больными и посетителями больницы. Так нам удалось выйти на контакт САВАК, не отмеченного в картотеке КГБ Азербайджана.

Литиф ШАМХАЛ

